Автор: Оргкомитет
24.04.2012 23:00

Живет в Москве (Россия).

УТРО В ТАЛЛИННЕ

Сумрак комнаты. С жалобой чаек
спорят медленный скрип флюгеров
и дрожащее эхо шагов.
Сквозь колючий узор молочаев
и витраж изумрудных листов
угол ставня с зазорами трещин,
мох на гребне щербатой стены,

словно скорбный побег седины.
Суроватому камню завещан
серый колер балтийской волны.

Вязок сон терракотовой кровли,
воздымающей к небу горбы,
но на пике кирпичной трубы
красно-розово-рыжий неровный
распускает цветок ворожбы,
шевеля драгоценные перья,
чайка в алых рассветных лучах,
привставая на плоских мысках.
И откликнется вдруг в подреберье
струнка грусти. В минувших веках
пожелтевшая дрогнет страница,
возле ратуши звякнет фонарь,
в Кельдер-баре бочонок, как встарь,
покачнётся на кованой спице,
что огранкой отделал кустарь.

Мы пройдём молодою оравой
по брусчатке Короткой Ноги,
за отсутствием звонкой деньги
вверх швыряя кошель свой дырявый,
не приемля ни лжи, ни брюзги,
ни кумира. По слову Вийона
воспитаем свободную речь,
и её ни казнить, ни пресечь
не удастся безумным законам,
ни в холопьи вериги упечь.
Школяры, босяки, лицедеи,
книгочеи, певцы, драчуны,
почитатели звонкой струны...
Будет длинною Германа шея,
и бока Маргариты грузны,
и к Господним полям Олевисте
шпиль поднимет сквозь облачный плен...

Но ещё через хаос и тлен
долог путь по дорогам кремнистым
в лихолетье больших перемен.

КОВЧЕГ

Паутина мерцает,
полусумрак и шорохи, ворохи сена.

Как созвездья, пылины пылают в лучах,
проникающих в чрево сенного сарая
сквозь щербатые щели неструганных плах.
И звенит тишина здесь и нощно и денно
на окраине рая

В захолустье великом
лишь гудение ос под стропилами кровли...
Смоляные янтарные капли соча,
сохнут доски на балках. И горней музыкой
проливается древний напев скрипача -
на камнях, на былинах, поленницах дров ли -
вольно гимны пиликать.

Пой в краю глухоманном,
где в охапках примятых подсохшие травы
долго память хранят драгоценных ночей –
лепет губ и прохладные пальцы Татьяны.
И надкушенный плод, щёк зардевших красней,
всё мерещится в космах зелёноё отавы,
в белой зыбке тумана...

Днесь в ковчеге дощатом
пахнет сеном нагретым, сосною и летом.
Дверь распахнута, и веткой вишни шуршит
пробегающий ветер - шаманит, крылатый,
шевелит облаков снеговые ковши.
Степь колышет соцветья. И в осыпях света -
нежный щебет касаток...

ВХОДИ, ДИТЯ
Стасе

Июль,
узорны золотые полотенца
в лиловой стыни липовой аллеи,
где влажно дышит скошенное сенце,
и нежный лик сквозь листья розовеет
в библейском ожидании младенца.
Свободные одежды легковесны
и ветрены, как сон полынно-крылый,
качается на волнах летних лестниц
кораблик мой с Божественной посылкой,
плывущий по бульварам старой Пресни.
Крутых бортов обвод виолончельный
скрывает лик небесного посланца,

столь зыбок в животворной колыбели,
в скорлупках тонких, цвета померанца,
его сердечка лепет акварельный.

Дитя, дитя! В пелёнах кайнозоя,
во снах янтарных спишь в дремотных водах:
сквозишь в межтравье древней стрекозою,
шуршишь змеиной шкуркой слюдяною,
зрачок багришь румянцами восходов.
Где за волной волна легко качает
кайму материков новорождённых -
в предчувствии любови ли, печалей –
о, кроха, ангел, нежно сотворённый
прохладными осенними ночами,
к вершине Homo путь свой направляешь,
спешишь, тревожа девственные кущи
и долы ископаемого рая...
Из минувших времён ко дням грядущим
Улыбчивая весточка живая...

Готово всё: огонь, вода и трубы, -
он ждёт тебя, наш век несовершенный -
то нежно-горлый, то кроваво-грубый...
Но птаха-жизнь? О, ты её возлюбишь -
шутя ль, скорбя...Любимицей вселенской
под звёздные стропила Ойкумены
войди дитя!

{jacomment off}